

Хронология реформ. Экономические реформы конца XX в.: опыт и уроки новейшей истории¹

Л.М. ГРИГОРЬЕВ

Реформы 1990-х годов принято оценивать с точки зрения показателей экономического роста. Автор статьи, непосредственный участник преобразований в качестве разработчика программ, рассуждает о реформах как о процессе формирования институтов, о том, что решения начальных периодов трансформации, воздействующие на основы общества, определяли ее течение, открывая те или иные пути стихийного формирования реально действующих институтов. Автор помимо широко известных событий и фактов анализирует различные их аспекты и взаимосвязи, исходя из собственного понимания и оценки происходивших процессов.

Ключевые слова: приватизация, хронология реформ, путч, дефолт, экономический рост

В начале российской (тогда еще советской) трансформации возникла дискуссия о том, что должно быть раньше – макростабилизация, либерализация и открытие экономики или приватизация. Только спустя десятилетие дискуссия трансформировалась в вопрос об институтах и либерализации в широком смысле. На мой взгляд, институты – «хромой верблюд» трансформации – караван не может его обогнать: убежишь – вернут и будет очень больно. Поэтому при исследовании реформ желательно избегать термина «реформа». Если пирамида построена, то ремонт фасада может быть назван реформой четвертого порядка, тогда как закладка фундамента есть реформа первого порядка. Если фундамент непрочный, фасад будет осыпаться раз в полгода.

Начнем по порядку. Нам представляется, что периодизировать российские реформы следует по процессам формирования институтов рынка, крупным макроэкономическим переломам и в некоторой степени по переменам в экономической политике. Далее мы будем говорить о различных аспектах реформ – больше о приватизации, здесь же перечислим их основные этапы:

1. Горбачев-1 (1985–1988 гг.) – «гласность», бюджетный кризис и неудачное «ускорение».
2. Горбачев-2 (1989–1991 гг.) – нарастающий экономический кризис (рост внешнего долга – известный «Парижский клуб»), первые законы и ползучая приватизация, попытки разработать программу реформ.

¹ Статья подготовлена на основе препринтной публикации
https://www.hse.ru/data/2010/05/06/1216458225/WP11_2006_01.pdf

3. Ельцин-1 (Е.Т. Гайдар): (1992–1994 гг.) – стихийное формирование институтов рынка, включая отношения собственности; острая фаза кризиса и перестройка относительных цен.
4. Ельцин-2 (1995–1998 гг.) – укоренение новых «рыночных» институтов («ранний олигархат»), изнурительное ожидание макростабилизации, пирамида ГКО и рублевый коридор (плюс увеличение внешнего долга).
5. Ельцин-3 (Е.М. Примаков): финансовый крах и кризис 1998–1999 гг.
6. Путин-1 (2000–2003 гг.) – попытка «ремонта капитализма» на ходу, плоские налоги и ожидание модернизации снизу.
7. Путин-2 (2003–2006 гг.) – рост финансовых возможностей страны (нефтедоллары и выплата внешнего долга) и голландская болезнь, ползучее огосударствление и поиск путей модернизации.

Перестройка

М.С. Горбачев стал Генеральным секретарем ЦК КПСС в 1985 г. Ему очень не повезло: вскоре случилась Чернобыльская катастрофа. Затем Горбачев инициировал крайне неудачную антиалкогольную кампанию, чем сразу нанес тяжелейший удар не столько по алкоголизму, сколько по экономике. Здоровье нации сначала немного улучшилось, потом вернулось в первоначальное состояние, но в бюджете образовалась колоссальная дыра, потому что доходы от операций с вино-водочной продукцией на Руси веками были важнейшей составляющей бюджета (всегда существовал кабацкий налог), как теперь нефтяные экспортные пошлины.

В 1986 г. упали цены на нефть, и Горбачев оказался в тяжелом положении: продолжалась война в Афганистане, доходы упали, одновременно объявили «ускорение», стали ускоряться, т.е. покупать за рубежом оборудование. Это, к слову сказать, хороший урок – увеличение расходов без реформ может вести только к омертвлению средств без эффекта: часть оборудования, купленного в те времена, до сих пор лежит на складах, не распакованная и не установленная. Другая часть была установлена и приватизировалась из расчета 1 доллар = 60 копеек в соответствии с записью в бухгалтерских книгах. Естественно, в процессе гиперинфляции это оборудование совершенно обесценилось. То есть при приватизации (это важный момент для размышлений о будущем) какие-нибудь старые здания шли, предположим, по 100 млн рублей (в то время 100 млн рублей – большие деньги), но если там было установлено импортное оборудование, их реальная стоимость составляла 150 млн долларов. Понимаете разницу между бухгалтерской записью и реальной ценностью? Вот это – момент «ускорения» конца 1980-х гг. в приложении к будущему. Это грубейшая ошибка руководства страны, когда при сокращении доходов от нефти и от алкоголя был увеличен импорт.

В конце 1980-х гг. в стране начался бюджетный кризис, кризис на потребительском рынке, и именно в этот период, когда нехватку ресурсов восполняли увеличением задолженности, и возник тот колоссальный долг, который Россия выплатила Парижскому клубу только в 2006 г.

Первый раз я был вовлечен во внутренние дела страны в 1987 г. В 11-м номере журнала «ЭКО» (к 70-летию Октябрьской революции) А.Г. Аганбегян задумал большую «диверсию». Он поместил три статьи: одну о состоянии российской советской экономики, другая была посвящена СЭВ, который на глазах угасал и разваливался, а я опубликовал статью о мировой экономике, написанную с «изяществом» Института мировой экономики и международных отношений. В начале и в конце статьи были необходимые цитаты из Ленина об углубляющемся кризисе империализма – поскольку так полагалось писать. Сейчас это кажется странным,

но в те времена так было принято. Но в середине работы были честно представлены все данные о повышении эффективности капитализма, о темпах роста экономики и производительности: у нас они падали, у них – росли.

Напомню, какие анекдоты были в те времена. Без этого невозможно охарактеризовать эпоху. Замечательный анекдот появился приблизительно в 1972 г., я это хорошо помню, поскольку был тогда аспирантом. О том, как К. Маркс явился в Москву изучать реальный социализм: изучал-изучал и попросился выступить на телевидении. Ему говорят: «Нельзя». Тогда не было прямого эфира, все передачи транслировались в записи. Он говорит: «Я – основатель марксизма». – «Хорошо, только для вас, одну фразу в прямом эфире». – «Ну что ж, – говорит Маркс, – Пролетарии всех стран! Извините меня, пожалуйста!» Еще один анекдот того времени, второй половины 1980-х гг., когда при М.С. Горбачеве решили проводить конверсию: на выставке конверсионных товаров представлены два очень дорогих фаянсовых кофейных сервиза – один за 600 рублей, другой за 1200 (а средняя зарплата в то время была 150 рублей). В комплект каждого входят кофейник и шесть чашек с блюдцами. Покупатели спрашивают: «Ну, хорошо, но почему они такие дорогие, оттого что они у вас конверсионные? Обычный сервиз стоит 100 рублей». – «Вы не понимаете. Вот у того, который за 600 рублей, нажимаешь кнопку – кофейник взлетает, облетает шесть чашек, наливает и садится на место». – «Ну а за 1200?». – «О, вы не понимаете! Каждая чашка по отдельности взлетает, подлетает к кофейнику, он в нее наливает, и она возвращается на нужное место!» Вот такой была жизнь.

Многие, наверное, думают, что в конце 1980-х гг. была какая-нибудь цензура – пожалуй, главная радость тех лет в том и состояла – наблюдать, как цензура исчезает на глазах. Посмотрим, что же я писал в приложении к журналу «Мировая экономика и международные отношения», изданном в 1991 г., в августе. Писались эти строки весной 1991 г., а опубликованы были накануне путча: «Сочетание развала административно-командной системы управления хозяйством, структурного кризиса, грубых ошибок в экономической политике правительства и социально-политической нестабильности вызвало тяжелые последствия в советской экономике. В 1990 г. глубокий затяжной кризис вышел на поверхность. Впервые за последнее десятилетие было официально зарегистрировано падение большинства основных макропоказателей. Валовой продукт сократился...». И так далее. Так что очень демократично и свободно мы описывали тогда развал экономической системы.

Кризис начался приблизительно с 1989 г., выражался он в огромной накачке денежной массы в экономику: зарплаты возросли и, соответственно, возросли вынужденные сбережения в Сбербанке. Существенный момент: те деньги, из-за которых плачут пенсионеры того времени, на самом деле не были сбережениями. Это были, в основном, деньги, выпущенные в конце 1980-х гг., которые никогда не были обеспечены товарной массой, на них никогда ничего нельзя было купить. Но людям приятно думать, что у них были деньги.

Примерно в 1988 г. решили начать реформы, поскольку призрак кризиса бродил по стране, назревала потребность в переменах. Я в этом еще не участвовал, а только слышал. Говорят, первая группа реформаторов состояла исключительно из академиков. Вторая – из членов-корреспондентов. На третьей стадии были только доктора, а я, кандидат, принял участие уже в четвертой попытке. Случилось это в конце 1989 г. – с этого момента я живой очевидец и несу ответственность за точность воспоминаний.

Напомню, что к тому времени были приняты два закона, о которых сейчас все забыли, но именно они оказали колоссальное влияние на ситуацию 1990-х гг. Это «Закон о социалистическом предприятии» и «Закон о кооперации». Фактически, на языке теории прав собственности, это была передача прямого контроля

и права распоряжения государственным имуществом менеджерам предприятий без установления над ними какого бы то ни было контроля со стороны государства. И началась ползучая приватизация госсобственности менеджерами. До 1988 г. газеты пестрели обвинениями в том, что «менеджер Сидоров построил себе баню из казенных бревен, сына отправил в институт и сам ездит на “Жигулях”». И вот после такого копеечного, мелкого грабежа этим менеджерам дают право делать что угодно. На Западе многие пытались представить плановую систему как totalmente коррумпированную, чтобы избавиться от необходимости объяснять распространение коррупции в период трансформации. И хотя история раннего капитализма изобилует примерами разного рода грабежа и коррупции, в начале 1990-х гг. считалось политически некорректно предполагать, что приход к демократии и рыночной экономики может сопровождаться «отдельными отрицательными явлениями». Конечно, вывоз капитала и различные махинации с распоряжением собственностью начались еще при социализме и шли очень интенсивно в 1989–1990 гг., но снятие контроля собственника стало критическим фактором на финальной стадии социализма и в период приватизации: даже коррупция не родится сама по себе.

В конце 1989 г. появилась первая программа выхода из кризиса. Я ее не читал! До сих пор мечтаю увидеть. Написана она была Е.Т. Гайдаром, В.М. Машицем и Рапопортом где-то осенью и передана М.С. Горбачеву и Н.И. Рыжкову. Премьер-министр программу одобрил, сообщил, что он ее использует, и в начале декабря 1989 г. какие-то куски из нее были присовокуплены к обычному плану на 1990 г. И это был первый случай соединения несоединяемых систем (помните, что будет, если соединить ужа с ежом?).

В декабре 1989 г. к нам в Институт мировой экономики приезжал Е.Г. Ясин. Собралось человек пятнадцать. Он обратился к присутствующим: «Коллеги! Реформы гибнут, нас не слушают, надо помогать». Я, будучи заведующим сектором мировой экономической конъюнктуры, говорил: «Мы можем применить западные методы». Но сделать это было непросто. До 1990 г. никто в нашей стране не умел делать сезонную очистку рядов. Я привлек специалистов, и под руководством С. Николаенко они собрали помесечную статистику советского промышленного производства и в январе 1990 г. впервые в истории нашей страны просчитали ряды методами, которые мы знали из западной статистики. И то, что они посчитали в январе 1990 г., оказалось правдой, потом это никогда не опровергалось: пик промышленного производства был пройден в ноябре 1989 г. Вот это мы установили и в январе сообщили Е.Г. Ясину (он готовил общий анализ): «Пик пройден, дальше все пойдет только вниз».

Итак, в январе 1990 г. выяснилось, что кризис уже идет. Тогда же, в январе 1990 г., как вы знаете, начались реформы Л. Бальцеровича в Польше. Были либерализованы цены; причем, в основном цены были либерализованы еще до него «левыми», но их слава пропала, все досталось Л. Бальцеровичу. Советский посол из Польши, говорят, слал секретные телеграммы типа «Польша гибнет...». Туда отправилась команда специалистов – В.М. Машиц, С.В. Алексащенко, Г.А. Явлинский, Б. Левин и К.Г. Кагаловский. Что они там написали, можно прочесть в статье С.В. Алексащенко [Алексащенко 1990], которая в значительной степени основана на их отчете. Их мнение (в вольном пересказе) таково: в Польше начались реформы, ничего страшного, цены подскочили, затем упали – словом, жить можно, надо делать нечто подобное и у нас.

В марте 1990 г. к семинару в Австрии мы с С.В. Алексащенко написали первую когда-либо существовавшую в России работу о приватизации. По возвращении нас всех отправили в Горки писать по приказу премьера очередную программу. Мы работали весь март и апрель, но закончилось это ничем. В мае 1990 г. произошла очередная попытка повышения цен, производство продолжало разваливаться, реформы так и не начались.

400 и 500 дней

В марте 1990 г., когда мы в Горках писали программу, Г.А. Явлинский показывал мне работу, которая позднее легла в основу его брошюры «400 дней доверия», где были определенные идеи реформ. Одна из них была очень важна для него и состояла в том, что при таком денежном навесе избыточной денежной массы одним из возможных решений макростабилизационного характера могла бы стать продажа собственности. То есть необходимо дать людям возможность что-то купить, выкачать у них денежную массу, стабилизировать экономику и двигаться дальше. Он отдал эту работу людям из окружения Б.Н. Ельцина, а потом неожиданно появился И.С. Силаев, стал премьер-министром и внес в Верховный совет России какую-то программу, содержание которой сильно напоминало работу Г.А. Явлинского. Разразился скандал (газеты писали об этом), который закончился тем, что в июне 1990 г. было сформировано первое российское правительство, а вице-премьером, отвечающим за реформы, стал Г.А. Явлинский.

В июле-августе М.С. Горбачев и Б.Н. Ельцин внезапно помирились на короткое время и создали команду, которая потом и стала командой «500 дней». Как это происходило в реальности? Нас пригласили в Архангельское. А в это время уже действовала комиссия по реформам в центральном советском правительстве – комиссия Л.И. Абалкина (заместителями которого были Г.А. Явлинский и Е.Г. Ясин). Весь 1990 г. эта комиссия работала, но потом произошел раскол. В Архангельское отправились Е.Г. Ясин, Г.А. Явлинский (заместители Л.И. Абалкина) и все специалисты, которые весной участвовали в создании программы реформ. А Л.И. Абалкин и еще какие-то люди с большими чинами отправились в другое место писать еще какую-то программу. К концу августа напряжение достигло апогея, нам даже стало казаться, что у нас могут эту программу украсть или каким-либо образом стереть с компьютера. То есть появилась идея заговора. И вторую половину августа мы дописывали программу в странной обстановке: на штабной даче (четыре комнаты и терраса), в коридорах дежурили два сотрудника в штатском с каменными лицами, вооруженные автоматами. На всякий случай копию программы держали где-то в Москве, говорили, в каком-то издательстве на диске. Писалась программа следующим образом: мы все готовили отдельные ее части и два раза в неделю Е.Г. Ясин «собирал» программу – удалял старые части, вставлял новые, редактировал. Фактически, конечно, итоговым формированием программы занимался именно Е.Г. Ясин.

Наша команда осознавала необходимость писать законы заранее. Еще в 1990 г. в августе мы подготовили несколько законов. Вообще было бы интересно, чтобы их кто-нибудь проанализировал и сказал, насколько они были хороши или плохи. Мною лично были написаны два закона о банкротстве. Кто же работал в Архангельском? Шаталин, Петраков, Явлинский, Алексашенко, Вавилов, Григорьев, Задорнов, Мащиц, Михайлов, Федоров, Ясин и Ярыгина – всего 12 человек. У меня есть список, где упомянуто еще 50 человек и организаций. Действительно, помогали все как могли, всем хотелось что-то сделать.

Но, как я уже упоминал, у Н.И. Рыжкова и Л.И. Абалкина работала параллельная команда, которая, видимо, полагала, что с другой стороны работает команда мальчишек. Они думали, что мы произведем очередной концептуальный документ страниц на 30, который опять можно будет как «ужа с ежом» соединить, и что-нибудь получится. К нам приезжал Н.И. Рыжков дружить и мириться, его встретили довольно недружелюбно, не помирились. И неожиданно для всех в сентябре мы закончили эту программу. Я специально на этом останавливаюсь, потому что программа забыта совершенно, но она сыграла важную роль в истории всех последующих реформ. В этой программе не было слова «социализм».

Все прежние программы, созданные до августа 1990 г., были программами улучшения социализма, планового хозяйства и т.д. А это первая программа, которая полностью расходится с идеей социализма. Особенно мне запомнилась атмосфера тех месяцев, небывалый энтузиазм всех экономистов, предельная интеллектуальная концентрация и желание сделать что-нибудь интересное и полезное для страны. Это был наш «Майдан» – все надеялись, что реформы дадут возможность выхода из кризиса.

Осенью 1990 г. ничего интересного не происходило. К октябрю-ноябрю Г.А. Явлинский и несколько других людей, которые были в правительстве, ушли из него, потому что никаких реформ не было, а кризис продолжал углубляться. Как я уже упоминал, 1990 г. – это, как минимум, минус 2% ВВП. Это уже видимый кризис, это уже совсем плохо – очереди, проблемы со снабжением. Потребовался еще год кризиса, путч, переход власти, чтобы начать реформы в гораздо худших условиях.

В январе 1991 г. Е.Т. Гайдар создал свой институт; я остался на должности заведующего отделом в ИМЭМО, а к Е.Т. Гайдару пошел создавать сектор приватизации, там проработал год. Потом была известная павловская денежная реформа, которая окончательно ухудшила ситуацию в стране. Фактически 1991 г. пропал даром, хотя летом 1991 г. Явлинский попытался написать еще одну программу с несколькими своими людьми и с американцами. Они поехали в Гарвард, июнь-июль работали и написали Гарвардскую программу. Она имела влияние на какие-то отношения в «верхах», но широкой известности так и не получила.

Упомяну еще два события того же периода для меня важных. 1 июня 1991 г. в «Независимой газете» была опубликована статья Е.Г. Ясина и Л.М. Григорьева о приватизации [Григорьев, Ясин 1991]. В ней говорилось о необходимости «правильной» приватизации. Мы с Е.Г. Ясиным выступили против «раздачи». И второе, пожалуй, очень важное для меня научное событие: в июне 1991 г. в Стокгольме состоялся семинар Андерса Ослунда, где я выступал с докладом (позднее он был опубликован в книге Ослунда [Grigoriev 1992]). В докладе я объяснял, что к началу предполагаемых реформ собственность в России в значительной мере *de facto* приватизирована менеджерами и поэтому для того, чтобы правильно провести приватизацию, сначала, возможно, надо было бы провести национализацию, т.е. отобрать какие-то права, чтобы затем их заново передать. Этот доклад я недавно перевел на русский язык. В качестве подзаголовка я использовал высказывание греческого мудреца, жившего в IV в. до н.э.: *Even God cannot change the past*².

Хотелось бы отметить, что проблема формирования рыночных институтов, конечно, была недостаточно отражена в работах того времени. Доминирование в мире макроэкономистов создавало странное впечатление, что главное – это правильно провести макростабилизацию – остальное наладится само собой. Конечно, со временем стали клясться в любви и верности институционализму совершенно все. Но очень часто исходный анализ проводится очень слабый – аналитики быстро уходят в «перетряхивание» статистики с мало интересными выводами. Несколько дежурных цитат из учебника институционализма стали необходимым обрамлением эконометрического уравнения, как когда-то цитаты К. Маркса или решений очередного съезда КПСС служили прикрытием для совершенно других видов анализа.

В тот период со мной – стихийным институционалистом – случилась история, достойная памяти как отражающая характер эпохи. Меня пригласили в Италию на виллу Дзесте на озере Комо на конференцию, посвященную реформам в Восточной Европе – невероятно красивое место, особенно после нашего кризиса. И я пытался рассказывать о том, какие проблемы могут возникнуть у нас в ходе приватизации, обосновывал необходимость законов и пр. Аудитория явно скучала, поскольку

² Даже Бог не может изменить прошлое

в той же конференции принимали участие и другие представители России, бодро обещавшие счастливый капитализм в кратчайшие сроки. После выступления ко мне подошел пожилой британский джентльмен, который вел нашу сессию (наверное, неслучайно приглашенный), похлопал меня по плечу и с глубоким сочувствием сказал примерно следующее: «Да, Вы, батенька, похоже, институционалист...».

После путча

В августе 1991 г. произошел путч. В это время я находился в Вашингтоне, а 12 сентября в *New York Times* была опубликована моя статья ‘Soviets need the unified free market space’. Я считал, что распад пространства осложнит формирование экономического механизма, но был не в курсе политических новаций. Вскоре прибалтийские республики вышли из состава СССР. Ельцин взял тогда на себя формально роль премьер-министра: в первом правительстве он был, таким образом, и президентом и премьером. Г.Э. Бурбулис стал его первым заместителем, а Е.Т. Гайдар – заместителем по экономике. И 6 ноября 1991 г. бригада в составе примерно 12 человек, и я в том числе, вселилась в Белый дом. Несколько недель спустя я был назначен заместителем министра экономики и финансов, создал Комитет по иностранным инвестициям и собирался продавать собственность за большие деньги иностранцам. Поскольку до этого я был заведующим сектором приватизации в институте Гайдара, в течение года после того как я написал первую работу по приватизации, я прочел все, что ранее писалось в мире про приватизацию. И к тому моменту как я оказался в Белом доме, у меня были совершенно конкретные представления о приватизации.

В правительстве Е.Т. Гайдара я проработал до лета 1992 г., примерно девять месяцев, в качестве председателя Комитета по иностранным инвестициям, где я пытался создать абсолютно все то же, о чем сейчас говорят: маленькие зоны вместо больших, ликвидация административных барьеров («в одно окно») и т.д. Но невозможно бежать впереди страны, и когда летом обнаружилась ваучерная приватизация, я, являясь сторонником обычной приватизации и абсолютным противником ваучерной приватизации, сказал Гайдару, что из этого ничего хорошего не выйдет, и уехал на несколько лет в Вашингтон работать во Всемирном банке. На этом закончилось мое непосредственное участие в реформах в качестве административного деятеля. Ничего хуже пребывания нормального московского интеллигента в роли замминистра быть не может и хуже должности в моей жизни не было. Хотя я и участвовал во всех прочих реформах до сих пор, но это отдельная история.

Но вернемся к периодизации реформ. Период до появления первого правительства Е.Т. Гайдара и период после – это, конечно, разные стадии кризиса. Важно понять, что 1988–1991 гг. и период после 1992 г. – это разные процессы углубления кризиса в стране (кстати, в разных странах!) и разные реакции правительства и научных кругов, пытающихся выработать пути выхода из сложившейся ситуации. Этап реформирования социализма, на мой взгляд, заканчивается написанием программы «500 дней», а от «500 дней» и далее, особенно с появлением правительства Ельцина–Гайдара – это уже уход от социализма, уход в рыночную экономику со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Итак, 1989–1991 гг. для экономистов – это этап размышлений и поиск реформ, ожидание политической востребованности реальных реформ. Прошел он в условиях нарастающего кризиса. Абсолютно убежден, что 1992–1994 гг. – ключевой этап реформ: были отпущены цены, шел процесс приспособления к ситуации, т.е. либерализация хозяйственной деятельности, право назначать цены, свобода

экспорта, вообще свобода коммерческой деятельности. Все это привело тогда, с одной стороны, к инфляции, с другой стороны – к очень быстрому изменению цен; скорость относительного изменения цен по отраслям была в этот период очень высокой. И в этом смысле, наверное, эти три года были периодом приспособления экономики к новым условиям на первом этапе. Кроме того, была принята Конституция и ряд важнейших законов.

В 1993–1994 гг. началась приватизация. Будучи убежденным противником того, как она была проведена, я считаю, что основной ошибкой этой приватизации была чрезмерная деспецификация прав собственности ради скорости, а не скорость ради качества. Свои взгляды по проблеме приватизации я изложил в двух сборных работах: «Программы приватизации 1990-х гг.» [Сравнительный анализ стабилизационных программ 2003] и «Проблемы собственности: от перестройки до передела» [Пути России: двадцать лет перемен 2005].

Но у меня есть несколько работ 1993–1995 гг., где я прямо высказал свое отрицательное отношение к этой приватизации, поэтому говорить теперь правду легко и приятно. Но, на мой взгляд, проблема была не в том, как быстро раздать, а в том, чтобы сообразить, как потом установить контроль собственника над менеджером, как наладить корпоративное управление после быстрой передачи прав владения. Избранный способ решал только одну проблему передачи, но не решал вторую – создание всей цепочки отношений собственности, особенно контроля (*corporate governance*). Этот период, собственно, и сформировал основы всего хозяйственного механизма, экономических и в значительной мере политических институтов, институт прав собственности, корпоративное управление. В 1993–1994 гг. была приватизирована большая часть предприятий, мелких и крупных, и в этот период сложились институты рынка, то, что мы называем «новый русский капитализм». То есть вне всякого проектирования сформировались институты рынка, с которыми мы еще поколение промучаемся. Характерно, что в этот период не существовало серьезного законодательства по функционированию корпоративного сектора.

В 1995 г. мы наблюдали продолжение этого периода – знаменитый обмен акций на якобы залоговых якобы аукционах. Часто исследователи пытаются рассматривать эти процессы отдельно друг от друга: «...приватизация была правильная, а аукционы были неправильные». Я думаю, что аукционы были естественным, нормальным и необходимым завершением такой приватизации, потому что нельзя было оставить нераспределенными даром такие важные куски собственности в условиях политической неопределенности. Если вы уже играли в эту игру, вы должны были ее закончить. И они ее закончили, поэтому залоговые аукционы, на мой взгляд, – закономерное явление этого процесса. При этом в результате такого типа трансформации собственности произошла одна вещь, про которую все забыли. Если говорить о различных программах трансформации начала 1990-х гг., все они предусматривали создание массового собственника, массового акционера, причем массового акционера среди среднего класса, в том числе среднего среднего, бедного среднего, богатого среднего – неважно: среднего.

Вместо этого тип проведенной приватизации создал, прежде всего, финансовую элиту, т.е. сложилось не среднее звено собственников, а верхнее. Это и есть одна из специфических особенностей российского капитализма. С моей точки зрения, основные внутренние черты формировались именно в тот период – *corporate governance* появился оттуда. В последнее время модной стала тенденция исследовать российский корпоративный контроль как появившийся из ниоткуда. Конечно, это не так: не может корпоративный контроль появиться сам по себе, он – следствие приватизации, проведенной в таких условиях. И фактически к 1996 г., к знаменитым президентским выборам, уже сложились основные финансовые группы, интересы, и все дальнейшее развитие (1996–1999 гг.) проходило на основе «нового русского капитализма».

Голосовали на выборах не по экономической программе. Население было сильно недовольно экономическим кризисом, который непрерывно тянулся с 1989 г. по 1997 г. В 1997 г. – небольшой перерыв, и снова кризис 1998–1999 гг. Десятилетие тяжелейшего кризиса. Устали все до немыслимой степени.

Конечно, могли быть политические эксцессы, не произошло «подкупа населения» с помощью приватизации. Есть одна хорошая работа «Макиавеллиевская приватизация» [Biais, Perotti 2002], хотя она и не про Россию. Там сравниваются две чилийские, две французские, чешская и английская приватизации. И показано, что там та же идея, что и в политическом цикле, т.е. правящая партия проводит приватизацию с дисконтом для своих сторонников. В ходе анализа выясняется, что в пяти из шести случаев после этого ей удается выиграть выборы. Авторы даже не попытались интерпретировать опыт России, потому что получается, что процесс раздачи собственности в России был против интересов тех политических сил, которые поддерживали реформаторов. Получается обратный результат – и не понятно, зачем они это делали. Итак, все самые опасные «камни», о которые эта реформа бьется до сих пор, – были созданы, конечно, на первом этапе реформы – в 1992–1994 гг.

Период 1995–1998 гг. – это мучительное ожидание макростабилизации, замедление падения производства, бюджетный кризис, рублевый коридор при колоссальном долговом заимствовании, создание пирамиды ГКО. С точки зрения развития институтов – закрепление итогов приватизации, формирование олигархата, пик политического влияния новых финансовых магнатов, принятие некоторых важных законов, хотя и с существенными изъянами. Закончилось все это августом 1998 г., о котором стараемся забыть и напрасно. Цена за один баррель нефти упала до 8 долларов – даже не верится при сегодняшних ценах в 100–110 долларов. Но это как «memento mori» – кончатся нефтяные деньги – что вспоминать будем?

Дефолт

В 1996 г. на президентских выборах победил Б.Н. Ельцин. Как известно, с трудом. Ничего особенного вслед за этим событием не последовало, в экономической политике господствовала попытка стабилизации, был введен рублевый коридор. Весной 1997 г. начинаются кризисные явления в Чехии, затем постепенно набирает обороты азиатский кризис. Осенью 1997 г. в Гонконге проходила годовая встреча Международного валютного фонда Всемирного банка. Из России на встречу приехали представители Центрального Банка, Министерства финансов, Министерства экономики. Заплывы в гонконгских заливах совершались большими группами очень неглупых людей. В тот период я работал в Вашингтоне, тоже прилетел на эту встречу, плывал вокруг москвичей. И все страдал, что в Азии кризис, портфельный капитал сейчас перестанет идти в Россию, потому что всем страшно. А если портфельный капитал перестанет идти в Россию, ГКО может рухнуть. А мне один уважаемый мной экономист говорил: «Но ведь у нас подъем. Ты просто завидуешь...». А 28 октября, спустя месяц после этого разговора, рухнул российский рынок акций в первый раз, в ноябре начинают уходить деньги Бразилии, Южной Кореи, в декабре МВФ еще пишет успокаивающие религии (это потом всплыло из воспоминаний С.В. Алексашенко): «Это азиатский кризис – на вас он не повлияет!».

Принимается решение с 1 января 1998 г. не ужесточать вывод капитала из России, а облегчить, чтобы показать, что мы ничего не боимся, у нас все в порядке. Чтобы все на радостях, что мы им разрешаем уходить, решили: «Вот смотрите, они всех выпускают! Давайте к ним за это пойдем назад!». Это тонкое соображение,

но противоречит природе людей. С 1 января 1998 г. начинается бегство капитала, правительство из последних сил держит рублевый коридор, занимает, где только можно. Приблизительно с октября 1997 г. по август 1998 г. взяли займы около 22 млрд долларов для поддержания рубля, но тут же их продали по 6 рублей за доллар. Все эти деньги куда-то исчезали. Заметим, дело здесь не в злоупотреблениях, а именно в характере политики. Ведь правительство так и не решилось в течение года что-либо предпринять для решения этой проблемы, допуская лишь внутренние дебаты.

Осенью 1997 г. я вернулся из Вашингтона в Москву и всю зиму 1997–1998 гг. безостановочно писал записки наверх о том, как проходил азиатский кризис. Ну а как проходит кризис в азиатской стране? Ведь там клановая система: один двоюродный брат в Министерстве безопасности, второй двоюродный брат – в Министерстве иностранных дел, он паспорта выписывает, третий – в Центральном Банке, четвертый – в бизнесе. Когда тот брат, который в Центральном Банке, чувствует, что что-то неладное происходит с национальной валютой, он говорит своему брату-бизнесмену, что пора «уносить ноги». Тот продает национальную валюту, у брата из Центрального Банка покупает доллары и с помощью брата, который выписывает паспорта, и брата, который прикрывает отъезд на вокзал, уезжает из страны с валютой. Так организован и действует каждый клан – у нас подобные отношения основаны на дружбе и интересах, а не на родстве. В течение нескольких дней из страны вывозится капитал, и тогда иностранцы, работающие в стране, начинают замечать, что происходит вокруг. Вот это конец. Обычно во всем обвиняют иностранцев, но начинают всегда свои, всегда инсайдеры. Никогда не убегает первым иностранец, он доверчивый, он не понимает, когда надо бежать. Все это мы (в Бюро экономического анализа) аккуратно описали, неоднократно обсудили, всем разослали. Никто на это внимания не обратил.

Конечно, 1998–1999 гг. – это особый период кризиса. Шли тяжелейшие обсуждения проблем макростабилизации, проблемы сбора налогов, к тому же падали цены на нефть. Но поскольку правительство было не готово сокращать целый ряд, в том числе политических, расходов и было сильно ограничено «левой» Думой, то в этой ситуации оно занимало, занимало и занимало – через ГКО, через евробонды, напрямую у МВФ, пытаюсь выскочить из кризиса. Один известный министр еще в марте 1997 г. написал бумагу о том, что ориентировочно через год и 9 месяцев пирамида ГКО рухнет. То есть никакого секрета, что она рухнет, никогда не было. Вслух проговорился А.Н. Илларионов, за что ему досталось некоторое количество славы предсказателя краха, хотя, прямо скажем, он рассказал то, что многие знали.

С точки зрения эволюции реформ, программ и так далее, мне трудно охарактеризовать 1998–1999 гг. иначе как кризисные, потому что, на мой взгляд, к 1996 г. капитализм уже сформировался. И пытался в том состоянии, в котором он тогда находился, как-то существовать. Но поскольку продолжалось падение цен на нефть, ситуация была очень тяжелая, правительство в муках формировало бюджет.

Реформы встали – была серьезная угроза паралича платежной системы. Это связано с кризисом банковской системы. По некоторым параметрам банковская система наконец-то вышла на уровень 1997 г., хотя понятно, что если мы в 2005 г. вышли на показатели 1997 г., то промежуток в 8 лет просто потерян. Эти 8 лет были, мягко говоря, не совсем эффективно использованы для развития. Ничего нового в экономике не происходило: шла борьба вокруг коридора, налоговых доходов, МВФ и Всемирный банк давали нам деньги при условии, что мы наведем порядок в бюджете. И каждые три месяца они давали нам еще денег, и мы обещали навести порядок в бюджете, тогда они давали нам еще денег и вновь требовали, чтобы мы навели порядок в бюджете; мы немедленно брали деньги, продавали их по 6 рублей и сообщали им, что мы неустанно ведем работу по наведению в ближайшем будущем порядка в бюджете.

Б. Пинто, главный экономист Всемирного банка в Москве, опубликовал в 2000 г. большую статью в *Brookings Economic Papers*, где убедительно показал, что международные финансовые институты продолжали давать нам деньги даже тогда, когда инвестиционные банки (приблизительно с мая 1998 г.) уже поняли, что надо деньги выводить. То есть применение одних и тех же моделей, по которым считают частные инвестиционные банки, привело к тому, что они начали выводить деньги из России, а международные финансовые институты еще продолжали давать их, видимо, жалея нас. Знаменитый транш МВФ в 4 млрд долларов, который, естественно, был просто продан по 6 рублей и куда-то разошелся, как и все остальные деньги, был дан, по-моему, 21 июля, за 26 дней до дефолта. А последние деньги Всемирного банка – это 800 млн долларов плюс 800 млн долларов от Японии на тех же условиях, всего 1,6 млрд – были одобрены Советом директоров Всемирного банка и даны 6 августа. В этот момент, по отзывам специалистов Министерства финансов и Центрального банка, российские банки уже не проводили налогов в казну. То есть произошел коллапс банковской системы, и кто бы какие налоги ни пытался заплатить через банки, банки брали эти деньги и покупали на них доллары для клиентов и друзей. Таким образом, платежная система с 1 августа 1998 г. не работала.

Рост есть – счастья нет

Как бы то ни было, после краха мы получили другое правительство – правительство Е.М. Примакова. Напомню реалии 1998 г.: девальвация рубля в 4 раза – номинальная, в 2 раза – реальная. В 1999 г. России предсказывали крах – падение ВВП на 20%, но этого не случилось – падение составило всего 5%. В 1999 г. начали расти цены на нефть и осенью начался экономический подъем, который объясняется, на мой взгляд, рядом факторов: списание всех долгов (частично они были реструктурированы для предприятий, а главное, обесценены в долларах в результате девальвации), запас мощностей и высокие цены на нефть. Часто забывают про списание долгов. Вспомните первый период после краха, 1999 г., все были ошеломлены, ждали кризиса, но к осени вдруг начался рост. Напомню, что В.В. Путин стал премьером летом 1999 г., именно в тот момент, когда ситуация в стране была очень сложной. Во-первых, обострилась чеченская проблема, во-вторых – у него не было денег, поскольку цены на нефть были еще низкие. Но с осени 1999 г. цены на нефть начали расти и постепенно стала подниматься экономика.

Следует упомянуть, что при подъеме, как и при падении, поведение российской экономики существенно отличалось от стандартов устоявшейся рыночной экономики. В мае 2000 г. в журнале Европейской экономической комиссии в Женеве все прогнозы относительно России показывали $-1...+1\%$. А мы уже подсчитали, что даже если промышленное производство и ВВП продержатся весь 2000 г. на том же уровне, на котором они были в январе-феврале, то это даст 5% роста (в 2000 г. был, напомню, большой рост). В тот момент никто не верил в подъем России. Кризис в России не стал глубже именно потому, что российская промышленность и реальный сектор не были связаны с банковской системой, поэтому коллапс банковской системы как кредитующей не повлиял на нашу промышленность, тогда как в азиатских странах был типичный среднекапиталистический кризис, где раздутый финансовый сектор и колоссальное перекредитование на базе недвижимости привели к тяжелому кризису ВВП на уровне 15–20%. В развитых странах это произошло в 1929 г., а в Азии только в конце 1990-х гг.

Фактически пореформенный период к концу 1999 г. прошел два этапа и крах. Следующий после кризиса период – до 2003 г. Здесь работала так называемая «программа Грефа» 2000 г., базировавшаяся на некоторых работах экспертного

сообщества. Можно сказать, что программа 2000 г. – это попытка ремонта российского капитализма на ходу. Логика была такова: сложились какие-то институты, они хотя и плохо, но работали, давайте-ка мы их починим на ходу. Вот это, на мой взгляд, попытка реформ 2000–2003 гг.

Следовало бы отметить особенности послекризисного роста российской экономики. 1999 г. – небольшой минус, но с осени рост, 2000 г. – рост, 2001 г. – по-моему, какой-то безумный рост, чуть ли не 11%. Казалось бы, сам факт роста – это уже замечательно, его ждали фактически с 1989 г. В декабре 2002 г. я это сформулировал так: рост есть, а счастья нет! Как показали расчеты Ассоциации независимых центров экономического анализа, норма накопления у нас составляет всего 19–20%. Во всех развитых странах – 24–25%, в тех, которые интенсивно развиваются, – около 30%. У нас все пошло в нефть, в торговлю. А в инновации – не пошло, в машиностроение – не пошло. Понятно, что для подъема страны этого мало. Поэтому первый период после краха – программа 2000 г. – это небольшое либеральное изменение экономических институтов в расчете на то, что в ходе экономического роста само собой все образуется.

Конечно, рост продолжается, но норма накопления по-прежнему около 20%. Рост есть, но он потребительский, потому что проценты роста накопления чуть выше, чем рост ВВП и потребления, этого недостаточно. Общее падение ВВП в период 1990-х гг. составило примерно 36%. Падение такое же, как во время Великой депрессии в США. Потребление, общее и личное, упало на 20%, и мы прошли уже, год или два назад, уровень 1990 г. по реальному потреблению.

Теперь, конечно, в стране совершенно иная социальная структура – «латиноамериканское» неравенство. За последние годы мы сделали скачок из квазиэгалитарного в «бразильское» общество, поэтому понятно, что велика неравномерность, но восстановление абсолютного объема мы все же прошли. Правда, объем инвестиций сократился в 4 раза, до 25% от прежнего уровня. Тот уровень был нездоровый, но и сегодняшних 33–34% мало. После пятилетнего 10%-го роста инвестиций мы могли бы выйти на 40%, что соответствовало бы норме накопления примерно в 25%.

Так что после краха можно выделить два периода: 1999–2003 гг. прошли в надежде, что рост приведет к решению проблем модернизации снизу на базе новых институтов рынка. С тех пор выросли и цены, и доходы, а модернизация все не идет. С 2003 г. всех не покидает ощущение, что целый ряд крупных проблем не решается. Я бы сказал, дело М. Ходорковского в какой-то степени является политическим символом перемены настроений: что-то должно идти по-другому. Хорошо это или плохо, но, возвращаясь к периодизации российских реформ, я думаю, что послекраховой период мы должны делить на две части – 1999–2002 гг. и далее с 2003 г.

Мы можем его делить чисто политически: «до Ходорковского», «после Ходорковского» и т.п. Но с точки зрения осознания результатов реформ, краха и подъема, анализа всего происходящего возникает ощущение, что надо что-то сознательно делать. До 2003 г. это вроде бы неплохо получалось само, а в последние год-два сложилось убеждение в необходимости что-то еще делать, то ли включать программу государственных инвестиций, то ли что-то иное. Во всяком случае, в последние два-три года стало ясно, что проблемы развития страны – инфраструктурные, образовательные, инновационные – не решаются сами по себе даже при высоких ценах на нефть. Так что идет новый период – попытка найти новые пути развития в условиях роста бюрократии.

Пора подводить итоги. Думаю, мне удалось справиться с поставленной задачей: во-первых, я попытался воссоздать канву событий. Во-вторых, постарался показать, что это все было очень интересно. Мне было интересно в начале 1990-х гг. и по-прежнему интересно сейчас. И сегодняшней молодежи кое-что достанется, хотя самое интересное было тогда. И, в-третьих, я предложил свою периодизацию,

с которой, конечно, можно спорить. Но главное, на мой взгляд, — осознать, что тот капитализм, который у нас есть сейчас, заложен в 1992–1994 гг., в тот 3–4-летний период, когда одновременно шли процессы гиперинфляции, приватизации, создания первых законов. Все то, что случилось потом, происходило под воздействием складывавшихся отношений собственности и корпоративного контроля и под воздействием сильнейших групповых интересов тех социальных, политических и финансовых групп, которые выиграли свой раунд в этой ранней реформе. И дальше любую политику, правильную или неправильную, можно проводить только с учетом этих интересов. С 1994–1996 г. в России практически не может быть реформаторской политики «в чистом поле». Это уже проблема реформ в условиях сложившихся групп интересов. Сегодня фактически речь идет о втором переходном периоде от нового российского капитализма к нормальному либеральному рынку.

Литература

- Алексащенко С.В.* (1990) Экономическая реформа: польский путь // *Мировая экономика и международные отношения*. № 7.
- Григорьев Л.М., Ясин Е.Г.* (1991) Все раздать? // *Независимая газета*. 01.06 1991.
- Пути России: двадцать лет перемен* (2005) / Под ред. Т. Ворожейкиной. М.: МВШСЭН.
- Сравнительный анализ стабилизационных программ 1990-х гг.* (2003) М.: Фонд Карнеги.
- Biais B., Perotti E.* (2002) Machiavellian Privatization // *The American Economic Review*. № 1.
- Grigoriev L.* (1992) Ulterior Property Rights and Privatization // *The Post-Soviet Economy* / Ed. by A. Aslund. L.: Pinter Publishers.